

Щеглов М. А. Верность деталей / М.
Щеглов // На полдороге : слово о рус. лит. /
М. Щеглов. – Москва, 2001. – С. 142-145.

Очень высокое, свежее понимание того, как велика в повествовании роль художественной, психологической детали, заменяющей иной раз целые столбцы объяснений, обнаружил в повести

«Не ко двору» В. Тендряков. Правда ее в том, что писатель лучше других увидел, как прямо «по живому» проходит тяжелый «разрез», отделяющий в нашей жизни все душное, жадно-собственническое от открыто счастливого, бескорыстного, сердечного. И В. Тендряков рисует драму нескольких людей правдиво, бесстрашно. Можно заметить, как мало в этой повести психологических монологов, объясняющих мотиваций «от автора». Все здесь идет на естественном движении самого сюжета — на очень образном и ярком показе самого развития отношений, сложившихся между Федором и семьей Ряшкиных.

И, однако, по поводу повести Тендрякова могли в свое время прозвучать такие «трезвенные» замечания, что-де в повести нет подлинной борьбы старого и нового, даже нет силы, могущей противостоять Ряшкиным, что положительный герой здесь не «положительный» и что в повести наличествует явный оттенок объективистского подхода.

Между тем нужно лишь непосредственно, почитательски взглядеться, войти душой в мир героев В. Тендрякова, почувствовать ряд *художественных деталей*, чтобы понять, как тут все верно. Как подчеркнуто одиноки и обозлены Ряшкины (вспомним: даже свадьба в доме Ряшкиных проходит почти без людей, и шум ее глохнет в немоте зимней ночи), как уход Федора от молодой жены буквально рвет ему душу, и все-таки он *уходит* (это ли не борьба с миром ряшкинской домовитости?!). Наконец, не понятый до конца критикой финал повести, в сущности, несет подлинный художественный приговор Ряшкиным, их кулачеству. Дочь, которой они, как будущей хозяйке дома,

отдали кровь и пот, несчастная, ничего не понимающая, «дурная», набрасывается на стариков с рыданиями и попреками. Сами «ветви» семьи Ряшкиных восстают против «корней»; их ждет гибель, вырождение.

А в это же время безудержный пляс Федора Соловейкова в клубе хотя и слишком наглядно демонстрирует его торжество и освобождение, но есть в нем и чувство огромной тоски, которую нужно «заплясать» во что бы то ни стало. И это тоже по-человечески так понятно, так психологически правдиво.

В. Тендряков порою прямо ставит тот или иной сюжетный поворот в зависимость от психологической детали. Он знает, что во всякого рода сложных историях люди редко отдают себе отчет во всем, не читают монологов и самооправданий, что гораздо сильнее здесь воздействует то или иное отрывочное впечатление, один жест, взгляд, который может переполнить чашу, лишить самообладания, все сразу объяснить и выявить. Незабываем эпизод косьбы в лесу, когда Федор и тесть его Силан, накануне чуть не готовые возненавидеть друг друга, сближенные на этот раз общей «мужицкой» работой, все сильнее «сходятся» — в прямом и переносном смысле. Но, может быть, они так и не взглянули бы друг на друга, не обмолвились словом... И писатель нашел чудесную деталь, несущую какую-то разрядку всей напряженной сцены, — Федор нечаянно в траве задел косой крошечного зайчонка. И вот, когда в ладонях тестя лежал зайчонок — «к пушистой сгорбленной спинке крепко прижаты светлые ушки, без испуга, с какой-то болезненной тоской влажно поблескива-

ет темный глазок», — разбился лед: общее несложное чувство, одно и то же отводящее энергию натянутых нервов переживание — и вот уже Силан и Федор вместе возвращаются с косьбы. А вечером «в доме чувствовался праздник».

Во всех выше разобранных случаях яркого, художественно целесообразного использования художественной детали, при всем отличии индивидуальных манер художников и разнице в содержании примеров, можно, однако, усмотреть одну общую и решающую черту.

Всегда, если говорить о действительном мастерстве художественной детализации, то, что мы называем «деталью», имеет в произведении не самоценное значение. Данный факт, данное наблюдение художника мы воспринимаем в художественном тексте особенно обогащенно, в связи со всей системой образов, с темой и настроением вещи. Внешние, образно поданные художником черты той картины человеческой жизни, которую он воспроизводит, должны выразить для нас что-то большое, внутренне-характерное, чем может заинтересовать, захватить нас событие, идея, лицо, отношения лиц.

Художественная деталь, как это следует из прямого смысла самого слова, — это не просто какая-то беспричинная мелочь, подробность. Это обязательно *часть художественного целого*, это, так сказать, полезная «радиоактивная» частица воздействующего в целом художественного образа. Выразительная деталь, таким образом, не должна в большинстве случаев играть слишком самодовлеющую роль — это может исказить картину, рисуемую автором. Она подчинена гармонии цело-